

О.С. Сухих, А.Ю. Кобленков
(Нижний Новгород)

**ПРОБЛЕМА ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОМАНАХ
«ДЕТИ СМОТРИТЕЛЕЙ СЛОНОВ» П. ХЁГА
И «ТОПОЛЯТА» В.П. КРАПИВИНА**

Опубликовано: Русская литература в иноязычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог // Сб. материалов международной научно-практической конференции (11 ноября 2015 г., г. Саранск). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2016. С. 279-284.

Рассматривается социальная проблематика романов «Дети смотрителей слонов» П. Хёга и «Тополята» В.П. Крапивина. Отмечаются сходства в изображении конфликта детей со взрослым миром, в анализе деятельности ювенальной юстиции, которая лишь формально защищает интересы детей, в действительности же становится инструментом давления на личность. Сопоставление произведений датского и российского писателей показывает, что эта проблема имеет интернациональный характер.

Ключевые слова: Питер Хёг, Владислав Крапивин, ювенальная юстиция, социальные проблемы.

Роман П. Хёга «Дети смотрителей слонов» был написан в 2010 г. Это повествование от лица четырнадцатилетнего подростка Питера – жителя вымышленного острова Финё. Сюжет строится на том, что рассказчик, его сестра и брат ищут пропавших родителей и стремятся предотвратить преступление. Эта детективная линия переплетается с развитием другой темы: писатель изображает Конгресс мировых религий как попытку объединить людей и тем самым изменить мир к лучшему, а также показывает деятельность террористической организации, пытающейся сорвать этот Конгресс.

Роман В.П. Крапивина «Тополята» создавался тоже в 2010, а опубликован был в 2011 г. В нём повествуется о жизни вымышленного, но при этом вполне типичного города, где исподволь идёт противостояние простых людей и властей, а происходящие социальные процессы отражаются на судьбах детей: третьеклассника Теньки Ресницына, детдомовца Кабула и других. Кроме того, в этом романе, как и в «Детях смотрителей слонов», реализуется тема возможного изменения мира, борьбы со злом, но не за счёт использования религиозных практик, а через личное противостояние героев равнодушию и несправедливости. Сюжет здесь основан на том, что дети вынуждены защищать от бездушия и непорядочности взрослых своего друга, свою любимую тополиную аллею, свой дом и семью, то есть всё то, что и складывается для ребёнка в образ Мира.

В произведении датского прозаика затрагиваются острые социальные проблемы, то же можно сказать и о романе В.П. Крапивина, который стал одним из самых дискуссионных его произведений: «это карикатура, почти антиутопия на тему последних веяний общественной жизни» [1], «выстрел по ювенальной юстиции» [2]. В.П. Крапивин относится к тем писателям, которые не входят в модные «тусовки» и не становятся претендентами на «букеров», по-

сколько постоянно бросают вызов официозным идеалам и ценностям (случай далеко не единственный в мировой практике, вспомним хотя бы историю с А. Линдгрэн и А. Стриндбергом [3; 4]). А роман В.П. Крапивина «Тополята» вообще вызвал у многих настоящую волну гнева. Произведение породило бурю эмоций вследствие крайне негативного показа представителей милиции, армии, руководства «православного» детского лагеря, интерната для «трудных» детей. Нелицеприятное изображение представителей различных сфер и уровней власти отличает и роман датского автора.

Произведения В.П. Крапивина и П. Хёга, написанные практически одновременно, в тематическом плане объединяет обращение к вопросу семейных ценностей, к религиозным проблемам, а также к функционированию системы ювенальной юстиции. Как известно, ювенальная юстиция – это юридическая база защиты прав несовершеннолетних, а также система учреждений, осуществляющих её и задуманных ради интересов ребёнка. Как В.П. Крапивин, так и П. Хёг в своих произведениях предпринимают попытку посмотреть на работу «благодетелей» глазами самого ребёнка. И оба подводят читателя к мысли о том, что характер деятельности представителей ювенальной юстиции на практике противоположен заявленным благим целям.

В романе П. Хёга «Дети смотрителей слонов» рассказчик Питер, его брат и сестра сталкиваются с тревожной и непонятной ситуацией: родители (священник Константин Финё и его жена – органистка Клара Финё) неожиданно исчезают, и представители различных социальных институтов (Бодиль Фискер – глава администрации муниципалитета, Александр Финкеблуд – чиновник из министерства образования, Анафлабия Бордерруд – епископ, Торкиль Торласиус-Дрёберт – психиатр) принимают решение изолировать подростков и держать их под контролем. Питера и его сестру Тильте забирают из дома, помещают в закрытую клинику для наркоманов (это место выбрано, поскольку представляет собой строго ограниченное и отделённое от социума пространство) под охрану, надевая на них браслеты с датчиками и при этом произнося фарисейскую сентенцию: «Мы очень внимательно относимся к детям и молодым людям, оказавшимся в трудной ситуации» [5], а затем собираются перевести Питера в детский дом, а его сестру – в закрытый интернат.

Мотивируют эти люди свои действия тем, что родители рассказчика, с их способностью на весьма эксцентричные поступки, совершенно асоциальны, а дети, унаследовавшие их «сумасшествие», тоже опасны для общества. Надо сказать, священник с супругой действительно не являются воплощением строгой морали. Они могут, например, манипулировать сознанием людей, осуществляя технический фокус и убеждая всех в том, что происходит чудо; они служат проповедниками религиозной веры, хотя сами до конца не верят в Бога; они, наконец, способны на крупное мошенничество. Но – что существенно – те, кто ополчился против них, не курсе всего этого (правда известна лишь детям: они о многом если не знают, то догадываются), а настроены против родителей рассказчика по совершенно другим причинам. Их считают слишком свободными личностями, постоянно выходящими за рамки правил¹. Не случайно ранее уже была попытка со стороны властей объявить священника и его жену психически

больными и отобрать у них детей. На этот раз главная цель чиновников от образования, церкви и медицины – не допустить скандала и бесконтрольного развития событий: «Анафлабия Бордерруд приехала на Финё, чтобы как-то замять то, что, как она опасается, станет новым скандалом вокруг нашего семейства. И, как и в прошлый раз, она взяла с собой Торкиля Торласиуса-Дрёберта, чтобы оценить психологическую сторону дела. Совместно они рассчитывают замести под ковёр папу, маму, Ханса, Тильте, Баскера и меня, чтобы потом усесться сверху и убедиться в том, что всё тихо» [5]. Таким образом, действуют они прежде всего *в собственных интересах*.

Какова цель представителей ювенальной юстиции в романе В. Крапивина? Наиболее подробно здесь развёрнута история с семьёй Теньки Ресницына, и в этом случае органы опеки действуют в интересах отца ребёнка, поскольку этот человек обладает большими материальными средствами – а значит, и определённой властью – и хочет забрать сына у бывшей жены. Мама мальчика не лишена недостатков, как и родители Питера в романе П. Хёга. Но и в том, и в другом случае авторы подчёркивают иррациональный характер связи ребёнка с матерью (а в «Детях зрителей слонов» – с обоими родителями). «Проблема в том, — и это, возможно, удивит вас, знающих наших родителей, — проблема в том, что мы их любим. Вот в чём дело», — говорит «правильным людям» Питер Финё [5]. «Без мамы не бывает лучше!» – говорит Тенька Ресницын «деревянной тётке» из органов опеки [6]. А те, кто решает судьбы детей исходят лишь из рациональной логики: «Тетки и говорили деревянными голосами, в их словах была правильность обточенных кубиков:

— Мальчик, у папы тебе будет лучше. Там все условия...» [6]. Точно так же Питера и его сестру убеждают, что лучшие для них условия будут в изоляции от родителей. Кстати говоря, судебный пристав в романе В.П. Крапивина собирается, забрав ребёнка из дома, для начала поместить его в больницу, как произошло и в произведении П. Хёга. Больница и там, и здесь становится символом изоляции ребёнка от социума², символом жёсткого контроля, и это наводит на мысль, что *естественная свобода детей воспринимается представителями ювенальной юстиции как болезнь*.

В финале крапивинского романа кратко рассказана ещё одна история, связанная с семьёй Егорки Лесова, мать которого, журналистка, не угодила властям своими статьями, и у неё решили отобрать детей, мотивировав это тем, что в её доме печное отопление, а для маленьких это опасно. В результате восьмилетний мальчик вынужден был защищаться от «благодетелей» с помощью оружия. В связи с этим обратим внимание на ещё один общий момент в романах П. Хёга и В.П. Крапивина: *представители социальных институтов используют ювенальную юстицию для борьбы с теми, кто им не угоден, кто для них представляет скрытую угрозу. А жертвами этого конфликта «неправильной» личности и «правильной» власти становятся дети*. Сопоставление произведений датского и российского авторов приводит к выводу, что эта проблема имеет *интернациональный характер*.

Различие в подходах двух писателей к теме можно на первый взгляд увидеть в том, что в романе П. Хёга, построенном на замысловатой детективной

интриге, представители социальных институтов, пытавшиеся контролировать детей, лишь сыграли роль пешек в реализации хитроумного замысла совсем других людей (это связано с темой Конгресса мировых религий и попытке террористов его сорвать – событий, в которые волей случая вмешались родители рассказчика), тогда как в романе В.П. Крапивина деятельность ювенальной юстиции никем не контролируется – тем она оказывается страшнее. Но насколько данное различие концептуально – это ещё вопрос. Ведь в произведении П. Хёга чиновники от образования, церкви, медицины выбраны для исполнения неприглядной роли именно потому, что их поведение предсказуемо: они сделали то, чего от них ждали. А значит, были основания ждать именно таких действий, то есть они в порядке вещей в обществе, которое внешне кажется демократичным.

Оба писателя показывают, что мир взрослых не только не защищает детей, но, наоборот, агрессивен по отношению к ним. В результате *ребёнку остаётся только защищаться самому*, и герои двух произведений делают это, правда, *разными способами*.

Дети священника с острова Финё в основном используют хитрость. Они проявляют завидную проницательность, разгадывая планы взрослых, понимая их слабости, и ловко манипулируют своими противниками. Сюжет романа представляет собой нанизывание ситуаций авантюрного характера, которые строятся, с одной стороны, на стечении обстоятельств, а с другой стороны, на тонком психологическом расчёте подростков.

Герои крапивинского романа противопоставляют агрессивности взрослого мира не хитрость, а самоотверженную решительность, они не пытаются кого-либо обвести вокруг пальца, а защищаются открыто и отчаянно: один вылезает из окна и идёт по карнизу шестого этажа, не боясь большой высоты, другой готов выстрелить из охотничьего ружья. Упоминается в произведении и ещё о нескольких случаях, похожих по сути.

Различия в способах действий детей определяется, скорее всего, не только национальным менталитетом, но и другими факторами: герои П. Хёга старше персонажей В. Крапивина и выросли в семье, где все постоянно используют мелкие и большие хитрости. В любом случае дело не в способах действий героев, а в принципе, которым они руководствуются: «устроить себе счастливое детство» [5] – устроить его *самим и рассчитывая при этом лишь на себя*.

Если говорить о других художественных параллелях в романах датского и российского писателей, то стоит отметить следующее. Оба автора не стремятся оставаться в рамках полного жизнеподобия. Они ставят перед собой цель выявить характеры и социальные закономерности, пусть и с помощью условности и фантастических допущений. В романе В. Крапивина, например, сюжет содержит элементы фантастики (линия, связанная с Колесом Мироздания, способным возвращать кого-либо к жизни). В романе П. Хёга фантастики в прямом смысле слова нет, но сюжет построен на таком количестве совпадений и условных допущений, что это, по сути, переводит его в разряд fiction. К тому же тема Двери (рассказчик Питер и его сестра Тильте в определённые моменты открывают для себя Дверь в абсолютную свободу, в некое инобытие, где перестают действовать законы действительности) вносит в роман элемент ирреального,

хотя можно посмотреть на это и с материалистической точки зрения, представив Дверь как проекцию психологического состояния героев, когда они ощущают себя свободными.

Кроме того, в обоих произведениях образы детей представляются весьма условными из-за речевой характеристики, степени начитанности и уровня культурных ассоциаций: их речь слишком правильна, богата, содержит реминисценции из мировой культуры и не напоминает разговорную речь обычного подростка. Например, В. Каплан пишет о герое романа «Тополята»: «Можно, конечно, поспорить о достоверности психологии Кабула — для детдомовца чуть ли не с рождения у него удивительно интеллигентное мышление и очень высокий уровень развития <...>. Но реализм Крапивина, на мой взгляд, это не столько реализм деталей, сколько реализм переживаний. Такой творческий метод» [2]. То же самое можно сказать и об образах героев романа «Дети смотрителей слонов». Они, конечно, не детдомовцы, но и для детей из интеллигентной семьи их лексикон и синтаксические конструкции всё же искусственны, не говоря уже о постоянной и достаточно тонкой иронии, которая представляет собой одну из основных стилистических особенностей произведения, хотя формально оно написано от лица четырнадцатилетнего подростка. Здесь отчётливо чувствуется «сделанность» текста, его нарочитость, вероятно связанная с игровым началом, которому принадлежит не последняя роль в романе. Что же касается В.П. Крапивина, то этому писателю совершенно не свойственна установка на литературную игру, просто его принцип отбора материала имеет свои особенности. Он пишет о героях такого типа, который ему духовно близок, хотя он вполне осознаёт, что герой этот во многом не типичен, особенно для конца XX – начала XXI в. В послесловии к одному из своих романов, написанных в начале XXI в., В.П. Крапивин объясняет, почему с завидным упорством он снова и снова обращается именно к такому образу ребёнка: «Мне <...> очень хотелось снова «погарцевать» со старыми товарищами – мальчишками из моего родного города, жившими там в середине прошлого века. С теми, кто строил самодельные телескопы и кораблики, зачитывался Жюлем Верном и Гайдаром, а мамину любовь, привязанность к друзьям и зеленую волю родных окраинных переулков ценил больше сокровищ мира. Такими были не все, но *такие были*» [7].

Заданность в выборе персонажей и их изображении не исключает художественного отражения закономерностей действительности. И оба писателя эти закономерности раскрывают – они касаются разных сфер жизни, одна из которых – это ювенальная юстиция. Картина действительности в романах «Дети смотрителей слонов» и «Тополята» достигает философски обобщённого характера, и можно сказать, что ювенальная юстиция в произведениях П. Хёга и В.П. Крапивина становится *символом государства, стремящегося контролировать личность* и определять, что для неё является благом. А образы детей в таком ракурсе воспринимаются как символизирующие *живое начало, свободное и активное*, противостоящее заданным правилам, рамкам поведения.

Примечания:

1. Символично, что семья священника носит фамилию, совпадающую с названием острова, – Финё. Это остров, живущий своей жизнью и даже претендующий на отделение от Дании. Это место, где человек ощущает «море возможностей» и открывает для себя Дверь в абсолютную свободу. Для рассказчика это остров Детства, на котором всё идёт не по правилам, зато всё озарено радостью (согласно примечаниям к роману «Финё» переводится как «прекрасный остров»). Точно так же и в семье Финё: вся она – отклонение от нормы, но в ней есть главное – любовь и духовная близость.
2. Исключением становится Госпиталь, где врач лечит и защищает беспризорника Кабула и помогает ему найти родных. В этом случае локальность пространства и его оторванность от социума играют для героя положительную роль.

Список литературы:

1. Десницкий А. «Тополята» Крапивина: это о нас? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/topolyata-krapivina-eto-o-nas/> (дата обращения: 10.09.2015).
2. Каплан В. О мельницах: божьих и ветряных или о романе Владислава Крапивина «Тополята». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vitaly-kaplan.livejournal.com/149309.html> (дата обращения: 10.09.2015).
3. Кобленкова Д.В. О национальном и универсальном в шведской литературе XX века. По итогам конференции «Август Стриндберг – предшественник модернизма // Вестник Нижегородского университета. 2013. № 5 (1), с. 403-408.
4. Кобленкова Д.В. Миф в шведской прозе XX века и проблема «Нобелевского формата» // Вестник Нижегородского университета. 2012. № 1 (2). С. 100-105.
5. Хёг П. Дети зрителей слонов / Перевод Е. Красновой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1018026> (дата обращения: 10.09.2015).
6. Крапивин В. Тополята. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knizhnik.org/vladislav-krapivin/topoljata/1> (дата обращения: 11.09.2015).
7. Крапивин В.П. Стекланные тайны Симки Зуйка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/30152/34/Krapivin_-_Steklyannye_tainy_Simki_Zuiika.html (дата обращения: 11.09.2015).